

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ШУКШИНА И БУНИНА: ЭФФЕКТ И ИЗОБРАЖЕНИЕ, ПРОБЛЕМА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Виктория Сайфуллаевна Фаткуллаева

Магистрант Чирчикского государственного педагогического института
Ташкентской области

АННОТАЦИЯ

В данной статье определяется творческая близость И. Бунина и В. Шукшина в раскрытии проблемы русского национального характера, сложности, противоречивости, неоднозначности в их рассказах из жизни русской деревни.

Ключевые слова: типологическое сходство, национальный характер, духовно-нравственные искания, фантазии, насмешки, односельчане, судьбы, трактовка образов чудиков, странных людей.

ABSTRACT

This article defines the creative closeness of I. Bunin and V. Shukshin in revealing the problem of the Russian national character, complexity, inconsistency, ambiguity in their stories from the life of the Russian countryside.

Keywords: typological similarity, national character, spiritual and moral quest, fantasies, ridicule, fellow villagers, destinies, interpretation of images of freaks, strange people.

ВВЕДЕНИЕ

На первый взгляд творческая близость И. Бунина и В. Шукшина может вызвать сомнение, но так ли это на самом деле? В. Шукшин, прочитавший множество художественной литературы, высоко ценивший ее классиков, почему-то ни разу не упомянул имени Ивана Алексеевича Бунина, нет никаких определенных сведений или фактов знакомства с его творчеством, конкретное сходство и творческая близость обнаруживается при сопоставлении их рассказов о русской деревенской жизни. Несмотря на возраст, происхождение, жизненный опыт, судьбы, творческий дар эта близость проявляется в духовно-нравственных исканиях, мироощущении, в объективной, истинной, глубокой оценке русского национального характера, обусловленной доскональным знанием изнутри деревенской жизни, образа мыслей, чувств и языка народа, который справедливо

считается наиболее полным выразителем характера нации. И Бунин, и Шукшин были горячо преданы родине, России. В своей книге «Окаянные дни» Бунин писал: «Если бы я эту “икону”, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто?» [Бунин, 1991, с. 66]. А Шукшин в «Слове о “малой родине”» признался за год до смерти: «... всю жизнь мою несу родину в душе, люблю ее, живу ею, она придает мне силы, когда случается трудно и горько... И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови... не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу» [Шукшин, 1985, т. 3, с. 642]. Писателей сближает интерес к русскому национальному характеру, к народной душе, ее загадочным и противоречивым свойствам. В предисловии к французскому изданию одного из своих рассказов Бунин прямо указал на то, что его повесть «Деревня» стала «началом целого ряда произведений, резко рисовавших русскую душу, ее своеобразные сплетения, ее светлые и темные, но почти всегда трагические основы» [Бунин, 1966, с. 268]. «Диапазон бунических эстетических оценок национального характера очень широк – от образов, запечатлевающих в психологии персонажа игру жестоких, злобных сил («Ночной разговор», «Ермил»...), до характеров редкостной душевной красоты («Кастрюк», «Хороших кровей», «Лирник Родион», «Худая трава», «Захар Воробьев»)» [Колобаева, с. 14].

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЯ

О своем интересе к «истории души» героев, показанных в их национальной характерности, признавался и Шукшин [Шукшин, 1981, с. 164]. Бунин в своих рассказах 10 – 20-х гг. показал такую черту характера русского человека, как отвращение к будням, будничной повседневности. Он представил, как одних оно приводит «к непрерывному хмелю, запою» (в рассказе «Веселый двор»), других превращает в нищих бродяг, странников, юродивых. Об этом говорится в рассказах «Я все молчу», «Блаженные», «Святые» и др. «В жажде самоистязания, отвращения к узде, к труду, к быту, в страсти ко всяким личинам, – и трагическим, и скоморошеским, – Русь издревле и без конца родит этих людей», – утверждает писатель в конце рассказа «Я все молчу» [Бунин, 1966, с. 224]. Бунина удивляет неизменное чувство симпатии всего народа к этим людям за то, что они смогли отбросить все условности общепринятого поведения, начиная с одежды, внешности и кончая образом. В.М. Шукшин в черед своих

рассказов о «странных людях», «чудиках» («Степка», «Ванька Тепляшин», «Даешь сердце!», «Алеша Бесконвойный» и др.) продолжает бунинскую традицию исследования национально-самобытной психологии русского человека. В своих рассказах Шукшин представляет нам, как необычное, странное, парадоксальное в характере и поведении героев, разрушающее привычные представления о норме, выступает формой постижения их глубинных социально-нравственных свойств. Он знал, что традиция изображения чудака, дурачка, странного человека укоренена в русской литературе и фольклоре. В своей статье «Нравственность есть Правда» (1968) он как раз и раскрывает свое понимание художественной функции образа странного человека. «Есть на Руси, – писал он, – еще один тип человека, в котором время, правда времени вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок. Это давно заметили (юродивые, кликуши, странники, не от мира сего – много их было в русской литературе, в преданиях народных, в сказках)... Герой нашего времени – это всегда “дурачок”, в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени» [Шукшин, 1985, т. 2, с. 617].

Все странные герои Шукшина ищут какой-то отдушины, чего-то необыкновенного, отличного от будней, они скучают по «празднику души». Например, герой рассказа «Алеша Бесконвойный» (1972) сам себе устраивает такой праздник, когда самовольно не выходит на колхозную работу по субботам. Этот особый, священный день Алёша посвящает топке бани, купанию, неспешным размышлениям о жизни и ее главных ценностях, воспоминаниям о прожитом, мечтам о будущем. Баня для Алеша - это место, где он проходит духовное очищение, обретает душевное спокойствие, переживает светлые и высокие мгновения. «Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алешу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, явность – жизнь стала понятной... Алеша стал недосыгаемым для нее, для ее суетни и злости, он стал большой и снисходительный» [Шукшин, 1985, т. 3, с. 136]. Таким образом, благодаря настойчивости главного героя рассказа, которую односельчане оценили как признак «ненормальности», глупости, упрямства, субботняя баня стала для него тем самым «праздником души», который избавляет его от повседневных забот, духовно обновляет и просветляет, который бывает так необходим нормальному, равнодушному к жизни человеку. Вот потому так поэтично и выразительно описано состояние героя после

«праздника»: «...был он весь новый, весь парил ... он не слышал своего тела, мир вокруг покачивался согласно сердцу», «... распускалась в душе тихая радость, он даже лицом светлел» [Там же, с. 130].

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Бунин первым заметил, что у русского человека неприятие обыденности выражается в стремлении принимать на себя чужие маски, играть разные роли. «Ощущение будней жизни как чего-то неподлинного, поверхностного и далекого от сути – ведет к тому, что и собственная повседневная жизнь и собственное поведение становятся в этой системе координат всего-навсего некоей маской и ролью... Бунинские герои постоянно играют роли» [Мальцев, с. 170]. Это относится к образам Ермила, дедушки из одноименных рассказов, Парашки из рассказа «При дороге», Ивана Чеботарева («В саду») и др. Писатель показывает, что роли эти играют не всегда осознанно, но они косвенно отражают неигровую, истинную, глубинную суть характеров. В рассказе «Захар Воробьев» Бунин раскрывает одну из «трагических основ русской души» – трагедию несостоявшейся судьбы, неиспользованных богатых возможностей. Герой рассказа – настоящий русский богатырь, сильный, добрый, работающий. Изображая его, автор передает зрительные, обонятельные, осязательные впечатления от его облика. Этот голубоглазый гигант «был рыжевато-рус, борода и настолько выше, крупнее обыкновенных людей, что его можно было показывать». «Борода у него была мягкая, густая, чуть волнистая, так и хотелось потрогать ее... . . . И приятный запах шел от него: ржаной запах степняка, смешанный с запахом дегтярных, крепко кованных сапог... и мятным ароматом нюхательного табаку» [Бунин, 1966, т. 4, с. 35]. Автор выражает восхищение героем непосредственно, в оценочных эпитетах: «Впрочем, настроен он был неизменно превосходно. Здоров на редкость. Сложен отлично...» [Там же, с. 36].. Этот красивый, сильный человек был убежден, что мог бы совершить в жизни что-то значительное, «сделать что-нибудь удивительное» [Там же, с. 43]. Он смотрел на небо – и вся душа его, и насмешливая и наивная, полна была жажды подвига. В состоянии опьянения он очень сильно испытывает смутное недовольство собой, ощущение неизрасходованных сил, неиспользованных возможностей. Он особенный человек, твердо знающий это, но что разумного сделал он на своей жизни, в чем проявил свои силы? Да ни в чем, ни в чем! Старуху пронес однажды на руках верст пять ... Да об этом даже и толковать смешно: он мог бы десяток таких старух донести куда угодно» [Там же, с. 44].

Но жажда подвига обернулась нелепым спором, пьяной бравадой – и, надорвавшись на непомерном количестве выпитой водки, Захар Воробьев умирает неожиданно и нелепо, едва достигнув 40-летнего возраста. Внутренний драматизм этого незаурядного характера создается из резкого диссонанса глубинных, резервных его свойств и их внешнего проявления.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

На таком же противопоставлении внешнего и потаенного в человеке основан драматический конфликт рассказов Шукшина «Митька Ермаков», «Микроскоп», «Миль пардон, мадам!». Герои данных рассказов, как и бунинский Захар Воробьев, чувствуют духовную неполноту своей судьбы, неиспользованные душевные ресурсы. Они переходят границы здравого смысла, как бы проигрывают другой вариант своей судьбы, чтобы хоть на миг добиться реального воплощения возвышенной мечты. Герой рассказа «Микроскоп» (1969) столяр Андрей Ерин приобретает микроскоп для того, чтобы уничтожить микробов, которые представляют прямую угрозу здоровью людей и укорачивают их жизнь. Неделя этой работы с микроскопом стала лучшей в его жизни. В своем воображении Митька Ермаков спасает человечество то от рака, то помогает «бедным и женщинам», изобретая машинку, чтобы печатать деньги. Бронька Пупков, герой рассказа «Миль пардон, мадам!» (1967) также вызывает насмешки сельских людей, не уставая рассказывать, выдуманную им легенду о своем участии в покушении на Гитлера, всем горожанам, приезжающим в деревню поохотиться. Шукшинские чудики, переживая мечту в реальности, так правдиво и увлеченно играют в созданном своем же мини-спектакле, что заманивают в него окружающих, заставляют их на миг поверить в истинность воображаемого. В своих необыкновенных фантазиях герои мечтают о подвиге, о героическом служении людям. В рассказах Шукшин показывает, что переживание трагедии несостоявшейся судьбы, нереализованных планов, обычно приводит к пьянству, а это истинная беда русского, да и не только русского народа. Бунина постоянно волновал вопрос о неизбежности смерти. В рассказе «Худая трава» (1913) повествуется о том, как умирает русский человек – батрак Аверкий. «В образе Аверкия, прощающегося с жизнью, в его думах о прожитом, снах и воспоминаниях с глубоким проникновением в национальный характер запечатлено происходящее в герое духовное возвышение и просветление» [Колобаева, с. 21].. Понимая неизбежность своего ухода из жизни, как «худой травы», которая, согласно

пословице, из «поля вон», Аверкий по-доброму откликается на все лучшее и ценное в жизни: заботу жены, красоту дочери, прелесть различных явлений природы. Готовность примириться с неизбежностью, спокойно встретить смерть – это мерой и оценивает человеческую личность Шукшин.

В рассказе «Как помирал старик» он показал удивительное самообладание и мужество старого крестьянина, который деловито и достойно уходит из жизни. Последние его мысли и заботы – о жене, детях, внуке, их судьбе.

Оба писателя раскрывают нравственную силу русского крестьянина через отношение к смерти, его благородство, мужество. «Художник пытается представить русский характер в его нескончаемой многоликости, – справедливо пишет о Бунине Л.А. Колобаева, – не уставая рисовать все новые индивидуальные варианты национальной психологии» [Колобаева, с. 17]. В рассказах «Ночной разговор», «Ермил», «Веселый двор», «Федосеевна», «Древний человек» и др. запечатлены отталкивающие черты народного характера: игра в нем жестоких, злобных сил, грубость, жадность, лживость, бесчувственность к слабым и беззащитным. Так, в рассказе «Федосеевна» дочь безжалостно выгоняет из дома в зимнюю стужу умирающую мать, Егор в рассказе «Веселый двор» обрекает свою мать на голодную смерть, древнего старика Таганка из рассказа «Древний человек» родные бьют и морят голодом. В «Ночном разговоре» мужики с легкостью и равнодушием признаются в совершенных ими убийствах. Герои рассказов «Князь во князьях», «Забота» и «Хорошая жизнь» Лукьян Степанов, Авдей, Настасья Семеновна – деловиты, практичны, но мелочны, бессердечны, жестоки. Очень похожи на героев и персонажей рассказов Бунина герои и персонажи рассказов Шукшина «Крепкий мужик», «Волки», «Как жена мужа в Париж провожала», «Танцующий Шива» и др.: стяжатели, эгоисты, хамы. Л.А. Колобаева справедливо отметила, что «в русской жизни... особенно далеки друг от друга нравственность и деловитость, доброта и практичность» [Там же, 17]. Привлекательны своей добротой, бескорыстием, благородством, нравственной силой герои рассказов Бунина «Лирник Родион», «Захар Воробьев», «Аглая», «Косцы» и Шукшина: «Мастер», «Алеша Бесконвойный», «Даешь сердце!», «Чудик», «Психопат» и др. Они олицетворяют лучшие свойства русского национального характера: подвижничество, доброту, трудолюбие, талантливость, самоотверженность, мужество. Восхищение своим героем, талантливым слепым певцом, прямо, непосредственно выразил Бунин в рассказе «Лирник Родион» (1913). «Простой, открытый, легкий, он совмещал в себе все: строгость и нежность, горячую веру

и отсутствие показной набожности, серьезность и беззаботность» [Бунин, 1966, т. 4, с. 156]. В красоте его пения, во всем его существе поразила автора удивительная гармоничность – «вкус, чуткость, мера», способность «выражать тончайшие и разнообразнейшие чувства и мысли» [Там же, с. 158]. Настоящим гимном талантности и трудолюбию, красоте души русского человека, гимном родине, России стал необычайно светлый и поэтичный рассказ Бунина «Косцы» (1921), один из первых, созданных уже в эмиграции, в виде воспоминаний о действительно произошедшей еще в России встрече с косцами в березовом лесу. «Это было давно, это было бесконечно давно», – с горечью начинает рассказ автор, – «потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже веками» [Бунин, 1966, т. 5, с. 68]. Главное действие в рассказе описано лаконично: «Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу поблизости от нее – и пели» [Там же]. И предвечерний лес, «еще не утративший чистоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликнулся им..., и они шли и пели среди вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаветностью» [Там же, с. 68 – 69]. Косцами были не местные, а рязанские крестьяне, пришедшие в орловские места на заработки. «И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути... были “охочи к работе”, неосознанно радуясь ее красоте и спорости» [Там же, с. 69]. Русская народная песня о прощании с родиной, которую пели косцы, пробудила в слушателях глубокие и сильные чувства. «Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели, чувствовали мы и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами..., и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они, и мы с детства, ... этими облаками на уже розовеющем западе, этим свежим, молодым лесом, полным медовых трав по пояс, диких несметных цветов и ягод... Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе, и всем нам было хорошо, спокойно и любовно...» [Там же, с. 70]. В этом рассказе Бунин создал возвышенное стихотворение в прозе, в котором с удивительной искренностью, теплотой, лиризмом показал восхищение поэтичностью, красотой русского человека, русской природы, русского искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тем самым можем сказать, что близость двух больших русских писателей в раскрытии проблемы русского национального характера позволяет нам убедиться в объективности, глубине, достоверности их наблюдений и выводов о наиболее важных его особенностях. Надо отметить, что в Узбекистане широко и активно развивается филологическая школа [7], что позволяет говорить о большом интересе к изучению русской филологии и преподаванию этой науки [8].

REFERENCES

1. Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1991. С.66
2. Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1966.
3. Колобаева Л. А. Проза Бунина. М.: МГУ, 2000.
4. Мальцев Ю. Иван Бунин: 1870 – 1953. М.: Посев, 1994.
5. Шукшин В. Вопросы самому себе. М., 1981.
6. Шукшин В. Слово о «малой родине» // Собр. соч.: в 3 т. М.: Молодая гвардия, 1985.
7. Екабсонс, А. В. Время и пространство в современной русской драматургии рубежа XX-XXI веков (Doctoral dissertation, Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Ташкент–2020).
8. Екабсонс, А. В. (2012). К вопросу о трансформации родовых признаков в современной драматургии. Вестник Челябинского государственного университета, (5 (259)).
9. Екабсонс, А. В. (2021). ЗАСТЫВШЕЕ ВРЕМЯ КАК ДОМИНАНТА ХРОНОТОПА ВЕЧНОСТИ В ПЬЕСЕ ОЛЕГА БОГАЕВА «РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЧТА. КОМНАТА СМЕХА ДЛЯ ОДИНОКОГО ПЕНСИОНЕРА». СПЕЦИФИКА ДРАМАТИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА. In Литературный процесс на рубеже XX-XXI веков (pp. 42-58).
10. Екабсонс, А. В. (2019). ДОМИК» КАК МЕТАФОРА ЗАЩИЩЕННОСТИ ОТ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА В РЕМЕЙК-ПЬЕСЕ МИХАИЛА УГАРОВА «ОБЛОМ OFF. ББК 81 П996, 110.
11. Екабсонс, А. В. Время и пространство в современной русской драматургии рубежа XX-XXI веков (Doctoral dissertation, Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Ташкент–2020).
12. Кононова, И. Ю. (2020). ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОВЕСТИ НМ КАРАМЗИНА «БЕДНАЯ ЛИЗА». М 34 Материалы международного научного форума «Образование. Наука., 92.

13. Кененбаев, Е. Т. (2021). Коммуникация и правомерность использования некоторых терминов, связанных с этим понятием. Вестник Челябинского государственного университета, (1 (447)), 73-81.
14. Кененбаев, Е. Т. (2019). Невербальная коммуникация в социальной жизни общества. International scientific review, (LXVII).
15. Тангирова, Г. И. (2021). МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ (ПРОЗА АС ПЕТРУШЕВСКОЙ, Л. УЛИЦКОЙ, Н. БАЙТОВА). Scientific progress, 1(4).
16. Kasimova, A. B. (2021). СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» И «ПОСТОРОННИЙ». Academic research in educational sciences, 2(6), 1384-1396.
17. Касимова, А. Б. (2021). ФИЛОСОФИЯ «ПУСТОТЫ» В РОМАНЕ «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА». Экономика и социум, (1-2), 943-948.
18. Шакирова, Р. Р. (2020). КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. Academic research in educational sciences, (4).
19. Калдыбаева, Д. О. (2021). МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ. Academic research in educational sciences, 2(4), 1379-1385.
20. Муратов, К. (2021). АНАЛИЗ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИСА. Academic research in educational sciences, 2(4), 1371-1378.
21. Зиядуллаевна, Н. Г., & Тахировна, М. Т. (2020). Обучение студентов к инновационной педагогической деятельности на основе кластера. Суз санъати,(3).
22. Shagiyeva, N. (2020). The role of information technologies to teach Russian language. European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences, 8(7).
23. Сергеева, Э. С. (2020). Приём понимания как один из способов интерпретации художественного текста. Academic research in educational sciences,(4).
24. Sergeyeva, E. (2020). Artistic Identity of L. Solovyov's Novel "The Tale of Khodzha Nasreddin". European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences Vol, 8(6).
25. Sergeyeva, E. S. (2020). Adabiyot darslarida interfaol metodlardan foydalanish samarasi. Science and Education, 1(Special Issue 2), 121-126.